

Викентий Вересаев

**Невыдуманные рассказы о
прошлом**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В31

Вересаев В.
В31 Невыдуманные рассказы о прошлом / Викентий Вересаев – М.: Книга по Требованию, 2012. – 38 с.

ISBN 978-5-4241-3387-9

Памятные случаи, забавные истории, знаменательные события стали сюжетами коротких новелл "заветной книги" русского, советского писателя Викентия Викентьевича Вересаева (1867-1945). В книгу "Невыдуманные рассказы о прошлом" вошли наиболее интересные рассказы. Их герои – люди, которых писатель хорошо знал: Чехов, Репин, Горький, Шалапин и другие деятели русской литературы и искусства.

ISBN 978-5-4241-3387-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Викентий Викентьевич
Вересаев
Невыдуманные рассказы о
прошлом

Случай на Хитровом рынке

В Москве, между Солянкой и Яузским бульваром, находился до революции широко известный Хитров рынок. Днем там толкся народ, продавал и покупал всякое барахло, в толпе мелькали босяки с жуликоватыми глазами. Вечером тускло светились окна ночлежных домов, трактиров и низкопробных притонов. Распахивалась дверь кабака, вместе с клубами пара кубарем вылетал на мороз избитый, рычащий пьянчуга в разодранной ситцевой рубашке. Ночью повсюду звучали пьяные песни и крики «караул».

В чулане одного из хитровских домов был найден под кроватью труп задушенного старика. Дали знать в полицию. Приехали товарищ прокурора и судебный следователь. Под темной лестницей, пахнувшей отхожим местом, — чулан при шапочном заведении. Поверху проходит железная труба из кухни заведения, — единственное отопление чулана. Чулан тесно заставлен мебелью. Под железною кроватью труп задушенного старика с багровым лицом. Ему хозяин шапочного заведения сдавал под жильё чулан. Все вещи целы. В комодѣ найдена жестянка, в ней семнадцать рублей с копейками. Не грабеж. Кто убил?

Много помог следствию городской, давно служивший в той местности; все взаимоотношения, романы и истории рынка были ему хорошо известны. Найти виновника преступления оказалось очень нетрудно.

Убитый старик был когда-то начальником крупной железнодорожной станции, спился, попал на Хитров рынок. Под старость стал пить меньше. Скупал по тридцать, по сорок копеек старые шерстяные платья и из лоскутьев шил шикарные одеяла для хитровских красавиц, зарабатывал по шестнадцать — восемнадцать рублей в месяц. Считался богачом, имел постоянный заработок, свой угол.

Допрос свидетелей. Как будто раскрылся пол, и из подполья полезли жуткие, совершенно невероятные фигуры в человеческом обличье. Хозяин шапочного заведения, у которого убитый нанимал чулан, старик лет пятидесяти. Был очень пьян, пришлось отправить в участок для вытрезвления, и допросить его можно было только на следующий день вечером. С опухшим лицом, сидит, сгорбившись, в лисьей шубе. И вдруг начал икать. Это было что-то ужасное. Как будто все внутренности его выворачивались. Умоляет дать водки, чтобы опохмелиться.

Спрашивают об убитом. Он отвечает очень уклончиво. Ничего путного нельзя добиться. Наконец, сознался.

— Я его ни разу не видал.

— Как не видали? Он у вас уже пять месяцев живет!

— Извините! Я шесть месяцев без просыпу пьян. Как сукин сын, извините за выражение.

Оказалось, действительно все время пьет. Днем в трактире, вечером возвращается — спать. Ночью проснется, хрипит: «Водки!» Жена ему вставляет в рот горлышко бутылки. Утром проснется, опять: «Водки!» Встанет и идет в трактир. Дома только спит, пьет водку и бьет жену.

Пришлось для допроса призвать жену. Она кажется много старше своих лет, управляет мастерской, нянчит ребят, покупает мужу водку. На лице глубокое горе, но совершенно замороженное. Рассказывает обо всем равнодушно.

Прежняя любовница убитого: бабища лет пятидесяти, толщины неимоверной, красная, вся словно налита водкой. Спрашивают у нее имя ее, звание. Она вдруг:

— Je vous prie, ne demandez moi devant ces gens-là!¹

Оказывается: дочь генерала, окончила Павловский институт. Вышла несчастно замуж, разъехалась, сошлась с уланским ротмистром, много кутила; потом он ее передал другому, постепенно все ниже, — стала проституткой. Последние два-три года жила с убитым, потом разругались и разошлись. Он взял себе другую.

Вот эта другая его и убила.

Исхудалая, с большими глазами, лет тридцати. Звали Татьяной. История ее такая.

Молодой девушкой служила горничной у богатых купцов в Ярославле. Забеременела от хозяйского сына. Ей подарили шубу, платьев, дали немножко денег и сплавили в Москву. Родила ребенка, отдала в воспитательный дом. Сама поступила работать в прачечную. Получала пятьдесят копеек в день. Жила тихо, скромно. За три года принакопила рублей семьдесят пять.

Тут она познакомилась с известным хитровским «котом» Игнатом и горячо его полюбила. Коренастый, но прекрасно сложенный, лицо цвета серой бронзы, огненные глаза, черные усики в стрелку. В одну неделю он спустил все ее деньги, шубу, платья. После этого она из своего пятидесятикопеечного жалованья пять копеек оставляла себе на харчи, гривенник в ночлежку за него и за себя. Остальные тридцать пять копеек отдавала ему. Так прожила с ним полгода и была хорошо для себя счастлива.

Вдруг он исчез. На рынке ей сказали: арестован за кражу. Она кинулась в участок, рыдая, умоляла допустить ее к нему, прорвалась к самому приставу. Городовые наклали ей в шею и вытолкали вон.

После этого у нее — усталость, глубокое желание покоя, тихой жизни, своего угла. И пошла на содержание к упомянутому старику.

Паспорту Татьяны вышел срок. Старик отобрал его и от себя послал на обмен. Она осталась без паспорта и не могла уйти от старика. Вдруг воротился Игнат. Оказалось, он был арестован не за кражу, а только за бесписьменность: выслали этапом на родину, он выправил паспорт и воротился. Рыночные бабенки сейчас же сообщили Татьяне. Она отыскала его, радостно кинулась навстречу. Он засунул руки в карманы:

— Чего тебе надо?

Она остолбенела.

— Отыскала-ала!.. На что ты мне такая? Худая, как холера. Я и тогда-то с тобой так только жил, от скуки. Скажите, пожалуйста: за такого мальчика — тридцать пять копеек! Я себе богатую найду.

Еле, наконец, до нее снизошел. Но она и тому была рада. Он ее бил, измывался, отбирал все деньги. И все попрекал стариком.

— Старика своего любишь, — ну, и иди к своему старику.

А она уйти от старика не могла: паспорт у него. А беспаспортную вышлют. А Игнат все измывался и утверждал, что она больше любит старика, чем его.

Татьяна вскочила:

— Ну, я ж тебе докажу, что больше люблю тебя!

Побежала домой и задушила спавшего старика.

И вот стали ее допрашивать. Худая, некрасивая, в отрепанной юбке, глаза волчонка, смотрит исподлобья. От всего отирается. Вдруг какой-то произошел

перелом — и во всем созналась. Рассказывает о своей любви к Игнату, и вся преобразилась. Глаза стали большие, яркие, целые снопы лучей посыпались из них, на губах застенчивая, мягкая улыбка. Как красива становится женщина, когда любит!

Старик-следователь, раздражительный и сухой формалист, вначале грубо покрикивал на нее, но, как подвигался допрос, становился все мягче. А когда ее увели, развел руками и сказал:

— Вот не думал, чтоб на Хитровом рынке могла быть такая жемчужина!

Товарищ прокурора, уравновешенный, не старый человек, в золотых очках, задумчиво улыбнулся:

— Да-а... «Вечно-женственное» в помойной яме!

Стали допрашивать Игната. Держится в высшей степени благородно, приводит всяческие улики против Татьяны, полон негодования.

— Дозвольте вам доложить: шкура и больше ничего-с! Какое безобразие, ну скажите, пожалуйста! За что она старичка?

В один из допросов, когда товарищ прокурора допрашивал Игната, из соседней комнаты, от следователя, вышла Татьяна. Вдруг увидела Игната, вспыхнула радостью, подошла к нему, положила руки па плечи:

— Ну, Игнат, прощай! Больше не увидимся: я на каторгу иду.

Он дернул плечом, отвернулся и презрительно отрезал:

— Пошла прочь... Стерва!

Товарищ прокурора вспыхнул и возмущенно крикнул:

— Сукин ты сын!.. Негодяй!..

Городовые, и те негодующе замычали. Стоявший в дверях следователь злобно плюнул.

Она низко опустила голову и вышла.

Проклятый дом

На одной из больших улиц Замоскворечья стоит вычурно-красивый, угрюмо-пестрый дом. Вот что рассказывают про этот дом. Его выстроил для себя один богатый сибирский золотопромышленник. Заказал архитектору проект, одобрил, заключил договор. В договор промышленник ввел огромную неустойку, если работа не будет закончена к условленному сроку. Все время при стройке придирался, тормозил, заставлял снова и снова переделывать. Архитектор увидел, что попал в когти дьявола, что к сроку заказа не кончит; уплатить же неустойки он не имел возможности. И повесился в этом самом доме, который построил.

Хозяин поселился в доме с девушкой-дочерью. Она влюбилась в певца итальянской оперы. Отец, конечно, и думать ей запретил о подобном замужестве. Она убежала с итальянцем за границу. Отец остался жить один в огромном доме. Сильно злобился на дочь и сильно по ней тосковал. Тоска победила. Поехал за границу отыскивать дочь. Отыскал ее, брошенную итальянцем, в нужде, беременную.

Привез обратно. И тут победила злоба. Он замуровал дочь в светелке над вторым этажом. Дверь наглухо заделал кирпичами, оставил только маленькое окошечко; в него ей подавали еду и питье. Подкупленная прислуга молчала.

Пришло время ей родить. Ее крики и стоны разносились по всему дому. Отец запретил оказывать ей какую-либо помощь, сидел у себя в кабинете и три дня

слушал, как по гулким комнатам обеих этажей носились ее стоны и вопли. В ночь на четвертый день все стихло. В светелке нашли мертвую мать и мертвого младенца.

А для отца дом продолжал оставаться полным стонами и криками. Он не спал по ночам и все время расхаживал в халате по ярко освещенным комнатам особняка. Наконец, не выдержал и уехал куда-то за границу. Дом до самой революции стоял пустым.

Фирма

В 1899 году в иллюстрированном еженедельнике «Нива» печатался новый роман Льва Толстого «Воскресение». Везде только о нем и говорили. Возвращался я в Петербург в спальном вагоне третьего класса. Среди трех спутников — старик купец в высоких сапогах, в пиджаке. Заговорили о романе. Купец:

— Плохо, плохо! Я «Ниву» получаю, читаю, — очень плохо! Как раньше-то писал! «Казачьи»! «Анна Каренина»! «Война и мир»! Вот это было дело! А теперь!.. Нет, устарел! На чердак пора ему. Куда старую мебель убирают... Что же это, скажите, пожалуйста: князь, человек живет в почете, имеет звание, человек, можно сказать, вращается, — и вдруг на этакой швали жениться! Какая же она ему пара, позвольте спросить? И у кого таких девчонок не было? Кто не грешен? И у вас, наверное, десять таких было, и у меня, может, двадцать. И на каждой жениться!.. Нет, на чердак, на чердак пора! Плохо! Потому только все и читают, что подписано: «граф». Фирма!

С опозданием

Петербург. Окраина. Узкие ломовые сани, на них высоко громоздились деревянные ящики с гвоздями. Поклажа кренилась на сторону. Возчик, — парень в полушубке, — шагал рядом с санями и растерянно подпирал плечом накренившийся воз. Приказчик у дверей лабаза с любопытством смотрел. Легковые извозчики у трактира тоже с любопытством смотрели и переговаривались:

— Завалится!

— Бесперечь завалится!

— Как бы парня не придавило.

— И очень просто! Сколько народу погребали тяжести. А он, дурень, сбоку улицы едет, еще больше набок накреняется воз...

Поклажа качнулась, и ящики тяжело посыпались на возчика.

Приказчик лабаза со всех ног кинулся на помощь. Извозчики, подобрав полы синих армяков, побежали туда же. И отовсюду сбежался народ. Мигом разобрали ящики. Парень-возчик лежал с восковым лицом, с закрытыми глазами, из угла губ стекала вниз струйка крови.

Парикмахер по собачьей части

— Я, как вам сказать? Извините меня за это выражение, — парикмахер по собачьей части. В деревне так если скажешь — засмеют, а в Петербурге можно на этом хорошие дела делать. Вот я, например. Как видите, милостыни не прошу, не ворую, не граблю, а живу, благодарение богу! Кабы еще водочкой не занимался, у меня бы теперь вот такой дом был. Рублей полтора в месяц смело зарабатываю... Бывает ли, что кусают? Нет, меня не кусают, я понимаю их харак-

тер. Недавно приходит ко мне господин.

— Это вы, голубчик, в газетах публикуетесь? Нужно остричь моего пуделя, только заранее предупреждаю: он никого к себе не подпускает. Если искушает, я не отвечаю.

— Ничего, не извольте беспокоиться.

Пришел. Злющая собака. Даже горничная, которая ее кормит, — и та боится.

— Дайте мне, — говорю, — мокрое полотенце. Да не найдется ли у вас комната отдельная, чтоб никто мне не мешал?

Заперли пуделя в комнату. Взял я полотенце, разом открыл дверь, вошел, да строго так:

— Что тут за шум?

Да как ахну полотенцем мокрым по стене! Пудель очень даже этому удивился. Подошел я к нему и начал машинкой стричь. А он все сидит и удивляется. Горничной интересно было, стала в замочную скважину глядеть. Пудель оскалил зубы, зарычал.

— Кто это там? — говорю кротким голосом. — Не мешайте, пожалуйста.

И остриг. Пять целковых получил за это дело... Никогда не нужно бить собаку, чтобы, например, отучить гадить, — особенно плеткой. Всего больше собака боится — шуму. Скольких я отучил! Нужно бить по полу мокрым полотенцем или клеенкой, а собаку тыкать, куда следует. В один раз отвыкнет.

Да! Много случается видеть!.. Графиня одна уезжала на лето за границу и мне свою болонку оставила на содержание. И нужно же: сегодня графиня приехала, а собачонка за день до того сдохла. Старая собачонка, паршивая, — вы бы ее за три сажени обошли кругом. Принес я ее, дохлую. И что же вы думаете? Графиня этому дохлому псу начала лапки целовать! Сама плачет, заливается. Вижу, тут можно делов наделать. Послунял потихоньку палец себе, намочил глаза. Стою, всхлипываю:

— Уж как жалко! Какая аккуратная была собачка, до чего чувствительная! Как будто у самого меня дите померло!

Она заливается, а я стою, нос себе утираю да рожи строю.

— Ваше сиятельство! Уж не говорите! До чего мне даже тяжело, — что же вам-то!

Она говорит:

— Можете вы с нее лапочку снять, чучельнику отдать, чтоб хоть лапочка мне осталась на память?

— Это, — я говорю, — можно.

— И потом: я хочу ее похоронить. Можете вы это взять на себя? Только чтоб я сама не видела, а то у меня сердце, говорит, разорвется на части.

— Это тоже можно. Не мое это собственно дело, но для вас... Опять же и для собачки, — потому уж очень я ее полюбил... Можно будет, не извольте беспокоиться!

— Гробик чтобы обить голубым атласом... Сколько все это будет стоить?

— Десять рублей чучельнику, три рубля чухонцу, чтоб отвез гробик, — здесь, в Петербурге, нельзя. Ну, гробик чтобы был вполне приличный, все прочее — рублей пятнадцать...

А сам думаю:

«Дай ты мне, дура, в морду за мое замечательное нахальство!»

— Ну, — говорит, — вот вам тридцать пять рублей.

Я собачонку в мешок и, конечно, на пустыре забросил, а деньги в карман. Вот какие бывают графини! Прислуга умирай у нее, ей дела не будет — убирайся в больницу! А для паршивой собачонки что готова делать!.. Вот я вам теперь объяснил всю дурость Петербурга.

«Бог соединил»

Были замедленные встречи у колодца весною, когда из темневшего барского сада несло душистым тополем и цветущей черемухой. Были потом возвращения с посиделок зимою, когда шли они вдвоем под одним тулупом и она сладко отдавалась его поцелуям и горячим ласкам. Потом поженились, и два года прошло, как счастливый сон.

Но земельный надел был малый, для обработки его хватало сил одного старика-свекра. Брат его, живший в Петербурге, устроил ее мужа артельщиком. Стал он порядочно зарабатывать, подавал домой. А потом, как часто бывает, когда долго живут врозь, стал он подавать все меньше, сошелся там с другою женщиною, написал жене: «Я тебя больше не знаю», — и совсем перестал подавать. Тогда старики не захотели ее больше держать.

Поступила она в городе Вене в прислуги. Тосковала о муже, о былом счастье. Подвернулся ласковый парень, нежно слушал ее, сочувствовал. Она — больше из благодарности — уступила его настояниям, хотя сама мало от этого испытала радости: совсем не то это было, что раньше с мужем, — даже странно, до чего было иначе. Забеременела. Тогда парень перестал быть ласковым и исчез. Деваться было некуда, все отшатнулись. Барыня брезгливо дулась и качала головою. Пересиливая себя, она работала до последнего часа. Уже с родовыми схватками ставила вечером самовар для господ. До крови раскусала губы, чтобы не кричать. Ночью ушла на двор и рано утром родила ребенка в отхожее место. Конечно, сейчас же нашли. Ее арестовали. Судили. Присяжные оправдали: она утверждала, что ничего не помнила. Подруге потом рассказывала: «Присяжные поверили; а я и вовсе все помнила». После того долго еще чудился по ночам плач и писк захлебывающегося в яме ребенка.

Переехала в Москву. Опять поступила в прислуги. Радостно и гордо рассказывала, что у нее в Петербурге есть муж. Обзавелась новым любовником. Теперь это для нее стало просто, как воды напиться, когда захотелось пить. Только один еще шаг до проституции. После ужаса родов в отхожем месте все в жизни стало для нее грубым, темным и простым.

Неожиданно приехал из Петербурга муж, отыскал ее, стал просить дать ему развод.

— Ни за что!

Он с месяц жил в Москве, подстерегал, чтоб уличить ее в «прелюбодеянии». Но она стала очень осторожна и не позволяла любовнику приходиться. Муж просил, на коленки становился, сулил денег.

— Нет, ни за что! Нас бог соединил.

Что это было? Мстительность, злоба? Не мне, так не доставайся никому? Нет. Для нее их действительно соединил бог, — бог света и жизни. И ей казалось: если они опять сойдутся, то темная, грубо-простая жизнь опять станет для нее значительной и светлой.

И, может быть, она была права.

У нестарой еще бабы с шестью ребятами умер от сыпного тифа муж. Она иступленно плачет, проклиная бога.

— Больно уж выстарился, ничего не понимает! Сидит себе и смотрит сверху. Что он может видеть, что понимать? Как я его молила, как просила! Нет, не умолила, — взял! А для чего взял? Сам не знает. Выстарился, творит, незнамо что. Взял бы суседа, — восемьдесят лет прожил. Так не! Давай ему молодого! А это ничего, что вдова с шестью ребятами остается? Нет, довольно терпеть! Так бы вцепилась в бороду его седую!

Киево-Печерский монастырь. Внизу зеленого откоса с бесконечными лесенками, под огромными вязами, — Почаевский колодезь с навесом. Всюду цветут вишни, в бойницах монастырской стены синее Днепр. Около колодца несколько иструганных дубовых колод. Близ каждой по несколько женщин состругивают с них перочинными ножами стружки.

На одной из колод сидела баба средних лет с костылями. Тамбовская. Зипун, синяя понёва. Лицо плакало, рот некрасиво расширился, слезы текли по носу и подбородку. Рассказывала:

— Первые сто верст шла от своих мест, как играла. А потом, — продуло, что ли, — ноги и отнялись! Доехала кое-как на машине, а от вокзала сюда три версты на карачках приползла. Две недели в печерской больнице пролежала. Вот только сегодня как будто чуть-чуть полегчало, приползла сюда. Говорят, от стружечек этих святых большая бывает помощь.

Стоял и смотрел молодой купец с красным затылком, в лаковых сапогах и длиннополом сюртуке. Спросил:

— Это вы для чего колоду стругаете?

Одна из стругавших ответила:

— Знаете, по деревенскому обычаю: зубы заболеют или что, стружечку святую приложишь, — и пройдет. Лекарства покупать достатку у нас нету. Вот мы больше святостью и лечимся.

— Ну да! — подтвердила другая. — Скажем, дитя заболит. Обкурить его этой щепочкой вместе с ладаном, — и все пройдет.

Молодица с лукавыми глазами засмеялась.

— Вот! Одна начинает скрести, за нею другие следом... Не знают сами, что делают!

Купчик авторитетно стал объяснять:

— Тут вера помогает, а не стружки. В Твери у нас было: купчиха одна сильно очень животом маялась. Доктора никак пособить не могли. Вот послала она кучера своего к святому Нилу Столбецкому настругать стружек с его столба святого, на котором подвизался. А кучер себе и говорит: «Лучше же я это время в трактире на большой дороге просижу, а стружек можно где хочешь достать». Настругал стружечек мелких у старого колеса, привез. Женщина съела — и выздоровела. От чего же она выздоровела? От колеса? От ве-еры!

Баба, сидевшая на бревне, жадно слушала и качала головой.

— Вот видишь, помог, значит, святитель!.. — И с глубоким, истерическим вздохом произнесла: — Все святые преподобные, молитесь бога за меня, грешную! Перекрестилась, наклонилась к колоде и стала ее стругать.

На деревенском базаре

Становой. — Это что у тебя?

— Поросята, ваше высококордие!

— Дурак! Я сам вижу, что поросята! А вопрос, — жирные ли?

— Очень жирные, ваше высококордие!

— Дурак! Я и сам вижу, что жирные. А вот — вкусные ли?.. Понял?

— П-понял...

На пожарище

Уже в начале августа иногда бывает: солнце печет, а в тени холодно, ночи же — совсем студеные. Под вечер я был в Занине. Неделю назад оно сгорело. Перед тем долго была сушь и жара, народ весь был в поле, загорелось днем при сильнейшем ветре. В полчаса всю деревню как слизнуло языком.

Стояла деревня на обоих отлогих склонах лощины. Теперь это было широкое пространство, ровное, как ток, усеянное мелким пеплом, и только закопченные печи стояли горбатыми уродами. Сзади — ивы и березы с рыжею, сморщившеюся листвою. В гору — конопляники, тоже вначале рыжие, обгорелые. На маху несколько уцелевших риг. Из ручья торчат обгорелые столбы моста. Плотина тоже сгорела, пруд убежал.

У сложенной из кирпичей печурки — сухая старуха в рваной ситцевой юбке и кацавейке, со слезящимися глазами, молодая девка и двое мальчиков. В котелке что-то кипит.

— Хлеб вы уже убрали?

Старуха ответила громким, равнодушным голосом:

— Убрали, свезли — и пожгли!

Я с недоумением огляделся.

— Где же вы теперь живете-то?

— В риге дрожим. Ночи-то холодные, одежда вся погорела, подостлать нечего, покрыться нечем. Лежим друг возле дружки и дрожим!

Говорила она все так же громко и равнодушно, поучающим голосом, как будто читала лекцию. Подошел мужик с русой бородой, в серой поддевке.

— Отчего загорелось?

Мужик ответил:

— Кто ж его знает!

А старуха сказала:

— Шпитонок, говорят, — значит, из воспитательного дома, — стал ребятам показывать, как пчел выкуривают.

— Ну, бабы болтают, — тоже, верить им! Одна мелет, другая подлыгает.

Говорил он тоже спокойно, с легкой усмешечкой.

— Страховку вы получите?

— Ну, как же! Получим! Богато получим, — от сорока до восьмидесяти рублей! А у Семибратова купить, — один сруб семьдесят два рубля стоит. А погорело-то ведь все, — колеса, хомуты, одежда, телеги, сани, — лошадь обротать